

ОТЗЫВ ОППОНЕНТА

о диссертации Тагабилевой Марии Геннатуловны
«СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ДИМИНУТИВНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ЖЕНСКОГО РОДА В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ)»,
представленной на соискание ученой степени **кандидата филологических
наук**
по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование М. Г. Тагабилевой посвящено сопоставительному описанию фрагмента словообразовательной системы южнославянских литературных языков – диминутивным суффиксам, присоединяемым к основам существительных женского рода. Работа выполнена, таким образом, в рамках типологии близкородственных языков.

Новизна работы определяется как самим подходом – в центре рассмотрения автора находятся прежде всего формальные аспекты функционирования диминутивных суффиксов, – так и материалом – привлечены лингвистические корпуса южнославянских языков. **Актуальность** работы обуславливается чрезвычайной развитостью моделей диминутивного словообразования в славянских языках (а также в балканских языках, к которым принадлежат из рассматриваемых идиомов по крайней мере болгарский и македонский), и применением в исследовании количественных методов. Достоверность работы обеспечивается обширным и тщательно проработанным лингвистическим материалом (словари и корпуса) и его тщательной количественной обработкой.

Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка литературы (129 номеров на русском, западноевропейских и славянских языках и 11 электронных источников) и шести приложений, содержащих список диминутивов женского рода, реконструируемых в ЭССЯ, и полные списки диминутивов в пяти рассмотренных южнославянских языках.

Во Введении содержатся необходимые сведения о диссертации, в том числе положения, выносимые на защиту (на некоторых из них я остановлюсь ниже).

Первая глава «Диминутивность и диминутивные производные» (стр. 11-44) является теоретическим введением к работе. Здесь рассматриваются, в частности, проблемы соотношения денотативного (уменьшительность) и прагматического (отношения говорящего) компонентов значения диминутивов, достаточно подробно разбираются работы, пытающиеся представить диминутивную семантику в целом. Следующий раздел главы посвящен проблеме, широко обсуждавшейся в научной литературе: относятся ли диминутивные формы к области словоизменения или словообразования. Резонно замечая, что едва ли можно дать общий ответ на

этот вопрос, автор указывает на то, что в южнославянских языках рассматриваемые явления принадлежат скорее к сфере словообразования. Наконец, последний раздел первой главы рассматривает проблему ограничений, накладываемых на дистрибуцию диминутивных суффиксов в южнославянских языках. В плане морфосинтаксических ограничений в южнославянских языках существуют две группы суффиксов: «наследующие» род мотивирующей основы и, напротив, блокирующие «исходный» род и приписывающие производному свой род, обычно средний. Суффиксам второго типа, достаточно распространенным в болгарском и македонском языке, посвящен отдельный параграф; после сжатого, но информативного обсуждения их свойств автор приходит к решению их не рассматривать. Замечу, что из всех рассматриваемых идиомов наибольшую экспансию диминутивных суффиксов (прежде всего второго типа) демонстрирует македонский – самый балканизированный из южнославянских языков, что, по всей видимости, не случайно (см. своего рода диминутивную экспансию в новогреческом и диалектах албанского). Завершается этот параграф определением списка диминутивов, которые будут рассмотрены в собственно исследовательских частях работы. В последнем параграфе раздела рассматриваются семантические ограничения на диминутивизацию и признается, что эти ограничения имеют не абсолютный характер.

Вторая глава «Диминутивные суффиксы женского рода в славянских языках» (стр. 45-117) открывается параграфом о происхождении исследуемых суффиксов. Суффиксы *-ица*, *-ца* и *-ка* восходят в конечном итоге к индоевропейскому суффиксу **-ko-*, в праславянском появление различных вариантов суффикса зависит от производящей основы, которая определяет наличие или отсутствие результатов третьей палатализации и наличие или отсутствие гласного *-и-* в суффиксе. Суффиксы *-чица-* и *-ичка-* (в болгарском и македонском) исторически представляют собой комбинацию диминутивных суффиксов. Как убедительно показано в работе, первоначально производные лексемы с такой комбинацией представляли собой вторичные диминутивы (результат присоединения еще одного суффикса к диминутиву), но затем произошло перераспределение, и эти суффиксы стали функционировать как самостоятельные словообразовательные форманты. Ниже я еще вернусь к этому разделу работы.

Второй параграф посвящен анализу существующей литературы по южнославянским диминутивам. Ценность этих работ для рецензируемого исследования понижается, по мнению автора диссертации, малым местом, отдаваемым в них проблемам формального распределения суффиксов, а также ограниченным объемом приводимого лексического материала.

Следующий раздел диссертации представляет собой собственно анализ материала. Он состоит из пяти параграфов, посвященных, соответственно, македонскому, болгарскому, словенскому, сербскому и хорватскому языкам. Замечу, что автор прекрасно отдает себе отчет в сложностях с современным статусом (социолингвистическим, но частично и лингвистическим) идиома,

называвшегося еще не так давно сербохорватским языком, но справедливо указывает, что сам характер используемого ею материала (наличие независимых корпусов сербского и хорватского языков) делает предпочтительным именно такое решение. Параграфы построены по однотипной схеме. Описывается использованный материал (словари, корпуса, если они есть, обращение к интуиции информантов), приводится общее количество производных лексем с каждым суффиксом, количество лексикализованных производных (которые исключаются из дальнейшего рассмотрения), затем все производные размечаются в зависимости от свойств производящей основы (характер конечного согласного, наличие или отсутствие консонантных кластеров в исходе основы). Далее анализируется влияние вычлененных параметров на распределение различных диминутивных суффиксов.

Проанализированный материал суммируется в выводах ко второй главе. Распределение суффиксов зависит от типа производящей основы (что, в сущности, является продолжением праславянской тенденции). Южнославянские языки в плане распределения диминутивных суффиксов женского рода четко делятся на две группы: балканославянскую, характеризующуюся многообразием суффиксов (при этом в македонском наблюдается тенденция к доминации более молодого «контаминированного» суффикса) и «сербохорватскую» с явным преобладанием универсального суффикса *-ица*. Словенский язык занимает по этому параметру промежуточное положение. Говоря о морфонологических моментах, следует отметить, что в южнославянских языках (особенно в болгарском и македонском) действует правило 1 (в терминологии И. Б. Иткина), согласно которому «...если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C1 или группу согласных C1C2, то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных) невозможна или затруднена». В соответствии с этим правилом суффикс *-ица* не употребляется после основ, оканчивающихся на аффрикаты. Особенно продуктивные суффиксы, впрочем, могут эту закономерность нарушать (так происходит, в частности, в сербском и хорватском).

Третья глава «Этимологические дублеты в болгарском языке» (стр. 118-183) рассматривает функционирование дублетных суффиксов на содержательном уровне. Рассмотрение функционирования довольно значительного количества дублетов с наиболее распространенными суффиксами *-ичка-* и *-ица-* приводит автора к выводу (подтвержденному довольно сложным статистическим анализом) о том, что формы с новым «контаминированным» суффиксом более частотны и что, следовательно, мы имеем дело в болгарском с действием той же тенденции, которую мы наблюдали в македонском на основе анализа словарного распределения производных диминутивных форм. Другим важным выводом является наблюдение о тенденции к семантическому расхождению суффиксальных дублетов.

Четвертая глава «Статистический анализ и моделирование сочетаемости диминутивных суффиксов женского рода в южнославянских языках» (стр. 184-195) посвящена применению к анализируемому материалу методик разведочного анализа данных. Как отмечает автор, «статистический анализ подтверждает выдвинутые в Главе 2 гипотезы о релевантности типа склонения, качества конечного согласного мотивирующей основы и наличия/отсутствия консонантного кластера для систем диминутивных суффиксов македонского, болгарского и словенского языков» (стр. 194). Для сербской и хорватской систем с единым доминирующим суффиксом статистический метод не подтвердил значимости данных параметров.

В Заключении подводятся основные итоги работы.

В целом можно сказать, что работа М. Г. Тагабилевой представляет собой законченное исследование, посвященное важной и актуальной проблеме. Автору удалось показать формально обусловленный характер дистрибуции диминутивных суффиксов в южнославянских языках, разный характер реализации системы этих суффиксов в балканославянской (при этом македонский инновативнее болгарского) и сербохорватской частях южнославянской общности, особую позицию словенского языка по этому параметру. Интересны соображения, так сказать, морфонологического характера, в частности, о преодолении особо продуктивными суффиксами морфонологических ограничений. Заслуживает внимания наблюдение о том, что суффикс *-ица* перестает вызывать палатализацию предшествующего согласного.

Работа написана хорошим, ясным языком, аккуратно оформлена. Количество стилистических шероховатостей и неясных мест незначительно.

Имеющиеся у меня немногочисленные замечания носят в основном дискуссионный характер.

1. Не очень удачным показался мне параграф 2.1 «История происхождения диминутивных суффиксов существительных женского рода в южнославянских языках» (стр. 45-51). Хотя автор справедливо отмечает, что «все исследуемые суффиксы, по всей видимости, исторически восходят к праиндоевропейскому суффиксу **-ko*», само изложение происхождения каждого из них довольно запутанно и непоследовательно. Это отчасти объясняется тем, что автор опирается при описании этимологии разных суффиксов на различные работы, используя характерные для этих работ системы нотаций. В результате оказывается, что суффикс *-ца* восходит к «праиндоевропейскому суффиксу **-ko*», а *-ица* к «праиндоевропейскому суффиксу **-keh*» (замечу, что если уж использовать не нужную здесь запись с ларингалами, то следует писать **-keh₂*). По всей вероятности, изложение было бы более ясным, если бы автор воспользовался не ретроспективным способом изложения (от современных суффиксов к праформе), а исходил бы как раз из единой праславянской формы **-k-*, дававшей в сочетании с разными исходами основ искомые суффиксальные формы (таким способом, например, очень ясно и наглядно в одном коротком абзаце изложена история этих суффиксов в книге С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики

славянских языков. Чередования. Именные основы», М., 1974). Сообщая на стр. 51 о том, что «остается неизвестным, как были распределены суффиксы *-ка* и *-ца* для существительных с *a*-основами, а суффиксы *-ка* и *-ца* — для существительных с *i*-основами», автор не упоминает о выдвинутом И. Грицкат-Вирт положении о том, что процесс третьей палатализации не действовал, если «перед слогом, вызывавшим ее, находился шипящий, возникший в результате первой палатализации» (цит. по [Дыбо 2006]). Это положение неоднократно упоминается в работах В. Г. Чургановой. Интересно, что это правило в целом созвучно «правилу 1», подробно обсуждаемому в диссертации (другое объяснение несочетаемости в одной словоформе последовательности рефлексов первой и третьей палатализаций дается в уже упоминавшейся работе С. Б. Бернштейна). Разумеется, блокировка процесса звукового изменения и условия синхронного правила распределения морфем – разные вещи. Тем не менее, представляется, что привлечение этого объяснения обогатило бы историческую часть работы.

Этому параграфу не везет и на библиографические ссылки. Так, упомянутая на той же стр. 51 работа [Дыбо 2006] (где имеется не использованный автором абзац о блокировке третьей палатализации) находится не на стр. 93-95 (как указано в списке литературы), а на стр. 83-110 соответствующего издания. Книга «Основы сравнительной грамматики славянских языков: фонетика и словообразование» написана не тремя авторами (как опять-таки указано в списке литературы), а одним Р. Бошковичем – Р. Н. Елкина является ее переводчиком, а Н. И. Толстой – редактором. Надо, впрочем, отметить, что сам раздел о происхождении диминутивных суффиксов имеет сугубо вспомогательный характер по отношению к диссертации в целом.

2. В работе имеются весьма немногочисленные неясные или неточные места. Так, на стр. 37 неясно изложен пассаж об истории $\square t$ -основ (опять-таки история!). Относительно болгарского языка лучше говорить не о «склонении основы» (что и вообще звучит неуклюже), а о типе основы (стр. 71). Однако, повторю, подобные случаи немногочисленны и не влияют на общую сугубо положительную оценку работы.

Наконец, – и это является не замечанием, а, скорее, пожеланием, — из работы, использующей корпусной материал, было бы интересно узнать также, различаются ли исследованные языки относительно общей частотности употребления диминутивов в тексте (token frequency), но, строго говоря, выяснение этого вопроса не входило в задачи работы.

Еще раз повторю, что основные выводы работы не вызывают у меня никаких сомнений.

Диссертация М. Г. Тагабилевой «Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках)», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное

языкознание, – полностью соответствует п.п. 9 и 10 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а сам ее автор, Мария Геннатуловна Тагабилева, заслуживает присуждения ей степени кандидата филологических наук.

Автореферат и опубликованные работы полностью отражают содержание диссертации.

д. филол. наук, главный научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН

Ю. Русаков

Сведения об оппоненте:

Александр Юрьевич Русаков

197137, Санкт-Петербург, улица Ленина, 11-4

ayurusakov@gmail.com

8 (812) 230-52-44

д. филол. наук, главный научный сотрудник

ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург, 199053,

Тучков переулок, дом 9

8 (812) 328-16-12

<https://iling.spb.ru/>

iliran@mail.ru

По теме рецензируемой диссертации оппонентом опубликованы следующие работы:

- 1) Русаков А. Ю., Русакова М. В. 2002. “Русские диминутивы: сочетаемость, функционирование, семантика”. В сб.: Н. Н. Казанский (ред.) Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Десницкой: 267–275. Санкт-Петербург: Наука
- 2) Русаков А. Ю. 2007. “Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия”. В сб.: Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола: 77-89. Москва.
- 3) Русаков А. Ю., Соболев А. Н. 2008. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. С-Пб: Наука.